

Леонид Зорин

Царская охота

Сборник

© Зорин Г. А., 2020

© Издательство «Aegitas», 2020

Все права защищены. Охраняется законом РФ об авторском праве. Никакая часть электронного экземпляра этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Действующие лица

Екатерина - императрица.

Елизавета.

Граф Алексей Григорьевич Орлов.

Граф Григорий Григорьевич Орлов.

Михаил Никитич Кустов.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова.

Бониперти - секретарь Елизаветы.

Денис Иванович Фонвизин - драматург.

Ломбарди - богатый негодянт.

Граф Карло Гоцци - драматург.

Капитан Снарк.

Падре Паоло - иезуит.

Степан Иванович Шешковский - обер-секретарь Тайной экспедиции.

Князь Голицын.

Белоглазов - молодой дворянин.

Мартынов - поручик.

Иностранец - гость императрицы.

Ферапонт Фомич - старый слуга.

Адмирал Грейг.

Де Рибас.

Федор Костылев - матрос.

Придворные, гости в доме Ломбарди, цыганки.

1

Москва. Ранняя весна 1775 года. У графа Алексея Григорьевича Орлова. Михаил Никитич Кустов – человек средних лет, нетрезвый, худой, дурно выбритый, в потрепанной одежде. В отличие от него Ферапонт Фомич благообразен, опрятен, держится солидно, лет ему под шестьдесят.

Ферапонт. И где же это, скажите на милость, их сиятельство вас отыскали?

Кустов. Глуп ты, братец, вот что тебе я скажу, – мы с графом знакомцы давние.

Ферапонт. И то сказать – знакомство завидное.

Кустов. Знаешь ли поговорку, братец: царь любит, да псарь не любит?

Ферапонт. В мой огород камешек? Так-с.

Кустов. Графу Алексею Григорьевичу люди много важнее титулов. Зане он муж – ума орлиного.

Ферапонт. На то – Орлов.

Кустов. Не в имени суть. Есть воробьи среди Орловых, среди Воробьевых есть орлы...

Ферапонт. Уж это вы, можно сказать, забылись.

Кустов. Молчи, старик. Коли я говорю, что человек своей фамилии выше и цену собственную имеет, – я не унижил его, а возвысил.

Ферапонт. А чем изволите заниматься?

Кустов. Я, брат, пиит.

Ферапонт. Так какое же это занятие? Забава души.

Кустов. И опять ты глуп.

Ферапонт. Как вам угодно. Только чем же вы снискаете хлеб насущный?

Кустов. Тому земные блага – ничто, кто с богами беседует.

Ферапонт. Дело ваше.

Входит граф Григорий Григорьевич Орлов. Очень красив, строен, одет с некоторым щегольством. Лицо его сумрачно.

Вот радость-то, ваше сиятельство!

Григорий. Где брат?

Ферапонт. Почивают.

Григорий. Буди.

Ферапонт. Ваше сиятельство, как можно...

Григорий. Делай, что сказано.

Ферапонт. Осердятся.

Григорий. Не твоя забота.

Ферапонт. Могут спросонья и прибить. А рука у них тяжеленька.

Григорий. Заупокойную отслужим.

Ферапонт Фомич, кряхтя, уходит.

(Граф оборачивается к Кустову.) Кто таков?

Кустов. Михайло Кустов.

Григорий. Не тот виршеплет, о коем брат сказывал?

Кустов. Тот самый.

Григорий (*ходит*). Ты был вчера с братом?

Кустов. Был, ваше сиятельство.

Григорий. Вы что учинили?

Кустов. Не помню. Все было как бы в дыму...

Входит всклокоченный, опухший, красный со сна Алексей Орлов. Коренаст, могуч, черты лица грубые. За ним семенит Ферапонт Фомич.

Алексей. Ферапонт, водки. Здорово, Гриша. С чем пожаловал? (*Ферапонту.*) Поднеси их сиятельству.

Григорий. Не нужно.

Ферапонт приносит графин.

Алексей. Ты, брат, не в Петербурге, в Москве. Есть Бог, государыня к нам пожаловала, и брата привелось повидать. (*Трет виски.*) Погоди, сейчас потолкуем. Голову ломит, и в глотке сушь. Это Кустов, любимец муз. Я его лет с десяток знаю. Еще до всех моих дальних странствий. Был он тогда премного пристойней. (*Кустову.*) В ничтожество впал господин пиит. Тощ, наг и пьян постоянно. Глянешь на твою образину, и не хочется, а запьешь.

Кустов. Мой дар причиной моему состоянию. Пиит зрением остр, а кто больше зрит, тому легче пити, чем трезвым быти. Не видеть безумства мира сего.

Алексей. Это он изрядно сказал... А где живешь?

Кустов. Лиси язвыны имут и птицы гнезда. Сын же человеческий не иметь, где главы подклонити.

Алексей. Слыхал, Григорий? Ладно, живи пока у меня.

Ферапонт вздыхает.

Кустов. Нищеты не стыжусь. Почивший в бозе мой друг Иван Семеныч Барков почище меня пиитом был, а обедал не каждый день.

Ферапонт. В бозе, говорите, почивший. В бозе ли?

Кустов. Тсс-сс... Тайна сия велика.

Алексей. Ферапонт, молчи. Знай свое место. Есть почта?

Ферапонт. Вам письмо принесли.

Алексей. Тащи сюда.

Григорий. Знавал я Баркова. Бойкое, бойкое было перо. Впрочем, оду мне написал с душою.

Кустов. За то, что помните, ваше сиятельство, вам воздастся. Ах, боже святой, что за кудесник, таких уж нет. Все помнят одни срамные вирши, а знали б его, как знал его я! Как мыслил, судил, как верен был дружбе, а как любил безоглядно!.. Высокий был, ваше сиятельство, дух...

Алексей. Ну, хватит. Он помер, да мы-то живы. Уймись, Кустов, пьяный человек не должен заноситься. Грешно. Что за конверт?.. Духами воняет.

Григорий. Женщина пишет, не будь я Орлов.

Алексей. Бабы больно учены стали. Дня нет, чтоб какая-нибудь трясогузка не сочинила б послания. Тьфу. Ума на грош, а соплей на червонец. Кустов, читай.

Кустов. Прилично ли будет?

Алексей. Коли я говорю - читай!

Кустов *(читает)*. «Жестокий! Вспомните об ласках ваших, хотя оные по правде не умышленны были. Однако ж я худо защищалась и не платила ль вам тем же?»

Алексей. А-а, вон это кто!

Кустов *(читает)*. «Куда девался мой разум? Я себя всегда добродетельной считала, только я уж больше не такова».

Алексей. Тю-тю, матушка.

Кустов *(читает)*. «Несчастное заблужденье! Я обязана любить своего мужа и в ту минуту, как о сем пишу, совсем вам предаюся. Праведное небо! Для чего это в грех вменяют?»

Григорий. Мысль верная, я б и сам желал понять.

Кустов *(читает)*. «Но что я говорю? Какой ты жестокосердый! Увы, я ни в чем упрекнуть себя не могла, жила без порока, была довольна, находилась в невинности спокойно...»

Алексей. Опять заныла... тоска берет...

Кустов *(читает)*. «И вот ведаю, что творю преступленье, но оно мне необходимо. Я бы много отважилась, если б стала противиться волнующим меня движеньям?»

Алексей. Не сама писала. Разрази меня гром, с французского перетолмачила...

Право...

Кустов (*читает*). «Государь мой! Мы оба стали изменниками. Вы изменили другу, я – супругу. Итак, вы любите недостойную женщину, я – бесчестного человека...»

Алексей. Точно, точно – из письмовника взято. Какой же я ее мужу друг? Много чести. (*Кустову*.) Брось. Надоело.

Кустов. Вы, ваше сиятельство, в любви счастливы.

Алексей. Вот еще... Какое тут счастье? Это не счастье, а баловство. Ладно, оставьте нас с братом одних.

Кустов и Ферапонт Фомич уходят.

Григорий. Зачем он тебе?

Алексей. А сам не ведаю. О прочих знаешь все наперед. Что подумают и что скажут, а этот нет-нет, да и удивит.

Григорий. Уж будто?

Алексей. Иной раз даже взбрыкнет. После очнется от страха в поту, а мне забавно.

Григорий. Вчерашнее помнишь?

Алексей. Помню только, что был в безудерже.

Григорий. Дрался на кулачках. И с кем же? Со всякой сволочью. Фу ты, пропасть... Занятие для героя Чесмы.

Алексей. Что делать, Гриша, скука заела. Каково мне с моим-то норовом на Москве небо коптить. Да и люди не кони, взглянуть не на что.

Григорий. Нет, Алеша, рано, рано разнежился. Время тревожное – не для забав, не для шутов.

Алексей. Да отчего же? Его величеству Пугачеву сделано усекновение членов. Мужички берутся за ум, а всякая челядь в себя приходит.

Григорий. В этом-то, Алексей, и суть. Покамест дрожали за свои головы, было им не до нас с тобой. Где уж было с Орловыми воевать, когда Пугач у них на дворе. Теперь же вся мразь, какая ни есть, только и ждет, когда споткнемся.

Алексей. Помилуй, ты спас Москву от чумы, в честь твою в Царском воздвигнута арка.

Григорий. А ты турка без флота оставил. Что нам заслуги считать, Алеша? Чем больше заслуг, тем больше врагов. Иной раз чувствую, воздуха мало. Он злобой отравлен, тяжело дышать.

Алексей. Любят тех, кому покровительствуют. А тех, от кого зависят, – не любят. И что тебе любовь человека. Любила бы женщина...

Григорий. Кабы так...

Алексей. Вздор, Григорий, каприз не в счет. Был и прошел. А ты остался.

Григорий. Алеша, слушай... тебе одному, другу, брату, крови своей, – не то, Алеша, вовсе не то! Такой ли была, так ли любила? Ведь рядом покойно стоять не

могла, взор блуждал, и руки дрожали. Звала меня своим господином. Да я им и был, можешь поверить. Стоило мне насупить брови, она уж на все была готова. Ах, брат, это не передать, ты только представь себе – императрица, властительница над жизнью и смертью сорока миллионов послушных рабов, меня как девочка поджидала, минуты считала, когда приду. А ныне – покойна и снисходительна. Еще того хуже – жалеет! Алеша! Кого она жалеет? Меня!

Алексей. Полно, она и в былые дни знала, что делает. Сколько ты тщился Панина укоротить, а ведь жив. Стало быть, нужен. И ведь уличен! Ведь дважды заговор обнаружен. Другому б не сносить головы.

Григорий. Все-таки он в опале.

Алексей. Не верю... и ты не веришь. Он угорь – вывернется. А все потому, что нужен, умен. А матушка наша умна сама. Умный-то к умному вечно тянется. Вот Лизавета была попроще – при ней сила была в цене.

Григорий. Васильчиков, по-твоему, мудр?

Алексей. Васильчиков – нуль, пустобрех, петиметр. И прост, незлобив. Его не страшись. Это, брат, женский туман, растает. Вот тезка твой – Гришка Потемкин – другой. Я, брат, его не оценил. Каюсь, думал, что простодушен. С такой комплекцией человек редко бывает стратиг, а поди ж ты...

Григорий. Видеть, видеть его не могу!..

Алексей. Вот в чем беда твоя, больно ревнив. Ревнивец когда-нибудь да опостылеет. А государыню ревновать, это как ревновать державу. Это уж объявить права не на женщину – на престол. Говоришь, звала господином! Гриша, что ночью не говорится. Ночному слову, любезный друг, нет ни цены, ни веры. Забудь.

Григорий. Уеду. Пусть вспоминает.

Алексей. Дурак. Делать ей нечего – вспоминать. С глаз долой, так из сердца вон. Нет. Орловы так не уходят. Орловы насмерть стоят. Затаись. Умей глаза закрывать. Не видеть. Страсть переменчива. Это, брат, море. Сегодня отлив, а завтра прилив. А ты знай сиди на берегу да жди погоды.

Григорий. Нет, не по мне.

Алексей. Мало ли! Ты вот мне говорил, что Панин Потемкина греческий план не одобряет.

Григорий. Что из того?

Алексей. А то, что это вовсе не худо. Глядишь, один другого пожрет.

Входит Ферапонт Фомич.

Кто тебя звал?

Ферапонт. Виноват, ваше сиятельство. Поручик Мартынов. По срочному делу.

Алексей. Впусти.

Ферапонт уходит.

Мартынов? От государыни?

Входят: Ферапонт, совсем юный офицерик, в глубине переминается Кустов.

Здравствуй, поручик. Чего изволишь?

Мартынов. Ее императорское величество просят пожаловать ваше сиятельство незамедлительно.

Алексей. Подожди.

Мартынов. Слушаюсь, ваше сиятельство.

Алексей. Ступай.

Офицерик уходит.

Видишь как? Легка на помине.

Григорий. Зовет тебя, а я ни при чем...

Алексей (озабоченно). К добру ли? (Смотрит на Григория.) А ты уже и не в себе.

Григорий. Брат, не до шуток. В тебе есть надобность, а я про то и ведать не ведаю.

Алексей. Эй, Ферапонт, умываться. Живо. Царская служба ждать не любит. (Брату.) С Богом!

Григорий. В добрый час, **Алексей.**

Алексей. Господин пиит пусть отоспится.

Кустов. Что плоти сон, коль дух еще бодрствует?

Алексей. Ну, бодрствуй, да в меру. Гляди! (Уходит.)

Кабинет Екатерины. Екатерина и Дашкова.

Екатерина. Слушаю, Екатерина Романовна. О чем твоя просьба?

Дашкова (*подчеркнутая сдержанность*). Ваше величество, сын мой окончил курс в Эдинбурге. Мне надобно провести с ним в Европе то время, которое потребно для завершения его воспитания. Прошу на то вашего дозволения.

Екатерина. Скучно тебе, княгиня, с нами? Три года пространствовала, два – здесь прожила и уж назад тебя потянуло.

Дашкова. Ваше величество, я живу для сына. С той поры, как князь Михаил Иванович оставил меня в сем мире одну, жизнь моя навсегда кончена. Мне для себя ничего не надо. Но моя обязанность вложить в Павла все, что оправдывает любовь матери и даст ему одобренье отечества.

Екатерина. Не рано ль ты стала для сына жить? Гляди, княгиня, не ошибись. Дети любви нашей редко стоят.

Дашкова. Я надеюсь, что сохраню доверенность моего ребенка. Он вовсе не способен на зло.

Екатерина. Рада за тебя, коли так. А все же на досуге подумай. Я ведь не с потолка беру. Мы с тобой обе – Екатерины, у тебя свой Павел, у меня – свой. Храни тебя Бог от моих забот.

Дашкова. Было время, ваше величество, я Бога просила, чтоб ваши заботы стали моими. Был и тот далекий и столь опасный июнь, когда я и вовсе была готова расстаться с земным существованием, лишь бы увидеть на вас корону. И делала то, что делать могла. Теперь обстоятельства переменились.

Екатерина. Что, милая, о былом вспоминать? Тогда мы обе молоды были. А на обстоятельства негодовать есть манера хорошенькой женщины. Уж если ты для сына живешь, учись смиренью. Вот мой совет.

Дашкова. Благодарю вас, ваше величество. Это совет бесценный.

Екатерина. Ой ли? Не идет тебе, Катя, схима. Старит. Я постарше тебя, а кто из нас моложе глядится, скажи по совести?

Дашкова (*не без колкости*). О, вы, бесспорно, ваше величество.

Екатерина. Спасибо, мой друг. А все оттого, что женщина должна быть женщиной и жить настоящим. Мне Дидерот еще пять лет назад писал: княгине Дашковой двадцать семь? Я полагал, ей уже сорок!

Дашкова. Делает честь его наблюдательности.

Екатерина. Чрезмерное умствование женщину сушит. Боюсь, что Никита Иванович Панин сыграл в твоей жизни дурную роль.

Дашкова. Он вам не по сердцу. Ах, ваше величество! Меня лишиться – утрата малая, но Панин – потеря невозполнимая. Вас хотят разлучить, это можно понять. Человек значительный возбуждает ненависть.

Екатерина. Так я о себе не худого мнения – значительных людей не страшусь. Посредственности, которых амбиции за счет способностей разрослись, мне тягостны. Большие умы делают большей и славу царствования. За дарованья графа Панина на многое я закрыла глаза, но кое-что и закрывши видно.

Дашкова. Вы его не любите, ваше величество.

Екатерина. Я его довольно ценю – любить же его не обещалась. В моем положении любить опасно – за любовь расплачиваются, и больно. Зато у тебя, моя смиренница, старая приязнь цела. И чем он тебя прельстил, не пойму. Бледен, болезнен, вял в порывах – таков ли настоящий мужчина?

Дашкова. Ах, этого не было.

Екатерина. Полно, мой друг. Не потеряй господин Панин, по милости твоей, головы, думаю, не был бы он со мною тому назад тринадцать лет. Слишком хитер да осторожен.

Дашкова. Молю вас, не поминать тех дней. Чем память дороже, тем мучительней. Чем прошлое человека прекрасней, тем настоящее безотрадней.

Екатерина. Нельзя давать памяти много воли. Она со смертными часто играет презлую шутку. Она точно зеркало, в котором он видит лишь себя и любит себя. От этого собственное значение кажется ему непомерным.

Дашкова. Ваше величество, эти слова сами по себе справедливы, но до меня они не касаются. В том, что вы вступили на трон, роль моя совершенно ничтожна.

Екатерина. Полно, княгиня, что за речи. Не забываю ничьих услуг, но помню и ваши с графом помыслы. *(Резко.)* И знаю, что давнее ваше мечтанье обуздать царскую власть, как платье, не столь бескорыстно, как это кажется.

Дашкова хочет ее прервать.

Заботы о своем возвышенье тут боле, чем о благе страны, которая при слабом правленье погибнет.

Новая попытка Дашковой возразить.

Я хотела бы верить, что Пугачев вас просветил. Да, княгиня, Монтень и Локк, может быть, хороши в Европе, но не на этой странной почве. Право же, я начинаю думать: обстоятельства моего воцаренья дурманят не только слабые головы, побуждая их к самозванству, но и иных умнейших господ. Им, верно, мои права на престол кажутся не столь безусловными, чтоб их нельзя было ограничить.

Дашкова. И вы это говорите мне?

Екатерина. Вам, княгиня, и вашему другу. Признаюсь, я вижу некую связь между безумными поползновениями и обдуманными прожеками.

Дашкова. Ваше величество! Бога ради, вспомните наши с вами мечты! Пусть даже граф Никита Иваныч хотел обязательного для всех государственного устройства, достойного столь великой страны, – разве ж и мы не о том молились? И мне теперь слышать, что вы меня заподозрили в личных видах...

Екатерина. Честолюбие до добра не доводит.

Дашкова *(вспыхнув)*. Честолюбие не всегда порок! Я встречала его и в царственных душах.

Екатерина. Ты – на мой счет? Я – дело другое, я ведь провинциалка, мой друг. Мне

сам Бог судил мечтать о несбыточном. Но ты рождена в столице империи, тебе терять головы не пристало. *(Встает.)* Я обдумаю вашу просьбу.

Дашкова. Я буду надеяться, ваше величество.

Возникает Мартынов.

Мартынов. Его сиятельство граф Орлов Чесменский!

Екатерина. Пусть войдет.

Мартынов уходит.

Дашкова. Позвольте мне удалиться. Я не в силах видеть этого человека.

Екатерина. Вы слишком суровы.

Дашкова. Возможно, что так. Но я не могу себя принудить здороваться с тем, кто запятнал самое для меня святое – воцаренье вашего величества.

Екатерина. Не помышляю вас принуждать. И все же подумайте на досуге, – сколь ни возвышенно у вас столь благородное негодование, не оттого ли и вам и Панину стали Орловы так ненавистны, что все эти годы были они твердой опорой твердой власти?

Короткая пауза.

Прощайте, княгиня. Я дам вам знать.

Дашкова кланяется. Входит Алексей Орлов.

Дашкова стремительно уходит.

Алексей. Явился по твоему повелению, государыня.

Екатерина. Что ж, входи. Сколь тебя, сударь мой, дамы боятся. Княгиню Екатерину Романовну как ветром сдуло в единый миг.

Алексей. Норов крутой, а объезжена худо. Князь был наездник не больно лихой.

Екатерина. Зато ты, граф, лошади отменный. Все знают.

Алексей. Лошади – моя страсть.

Екатерина. К людям, граф, надобно быть добрей.

Алексей. Матушка, люди того не стоят.

Екатерина. Княгиня того простить не может, что на тебе, Алексей Григорьевич,

кровь...

Алексей (*очень спокойно*). Чья, ваше величество?

Екатерина. Моего супруга.

Алексей. Кровь крови рознь, ваше величество. Коли вонзят в человека кинжал и кровь потечет из его груди, то его кровь и впрямь благородная, она на убийце клеймом горит. В твоём же манифесте объявлено, что прежний государь Петр Федорович помер от своих геморроидов. Этой крови совсем другая цена.

Екатерина. Граф, веселость ваша не к месту.

Алексей (*серьезно*). Храни мое письмо, государыня. Храни получше. В нем все написано. Ты невинна, а я виноват. Такое письмо пошлет не всякий.

Екатерина. Письмо твое честно, да люди злы. Я в чистоте взошла на трон, а пролитая кровь его мажет. Зря я тебя послала в Ропшу. Не узнала за несколько дней.

Алексей. Такие дни, моя государыня, верно, стоят премногих лет. Той ночью вошел я к тебе в Монплеизир, где ты изволила почивать и на мое прикосновение открыла глаза, от сна вся розовая. А я шепнул: пора вставать, все готово к вашему провозглашению, и ты тогда доверилась мне, хотя до того и в глаза не знала. И мы помчались, точно два вихря, коней загнали – каких коней! – и пошагали с тобой пешком, как пилигримы в Святую землю, пока не сыскал я порожней телеги, на коей и въехали в Петербург. А там уже ждал тебя мой брат, весь дрожа от любви и восторга. Нет, ты меня узнала в ту ночь. И после, когда послала в Ропшу глядеть за низложенным государем, знала, что положиться можно.

Екатерина. Я и теперь это знаю, граф.

Алексей. Мы, Орловы, верные слуги, нас на новых менять не след.

Екатерина. Худо, что кровь в начале царствования после самозванство питает. Много теней кругом меня бродят, оттого и неймется живым. То Опочинин себя выдает за сына Елизаветы Петровны, то казак объявляет себя моим мужем.

Алексей. Ну, мальчишка был просто глуп. Мало было ему назваться сыном русской императрицы, он к тому же себе в отцы взял английского короля.

Екатерина. Не в глупости и не в наглости дело. Самозванство не только стремление возвыситься. Что оно на величие посягает, это полбеды. Но оно родится от желанья низвести святыню до себя, оно хочет стереть границу меж высоким и низким и их сравнять. Алексей Григорьевич, я не знаю, что страшнее – угроза или соблазн? Ибо первую можно отразить, а второй, подобно незримой язве, медленно пожирает тело. И ведь это только внутренний отзвук, а про внешний нечего и говорить. Остальным государствам нужды нет, что пред ними злодеи, чрез их посредство им надобно расшатать Россию. Что ты знаешь об этой девке, которая нарекла себя принцессою Володимирской?

Алексей. Право, государыня, что об ней толковать? Жила она чуть не во всех столицах, теперь, говорят, основалась в Риме. Слала письма кому придется – султану, папе, мне также писала, когда я в Ливорно с флотом стоял.

Екатерина. Не только тебе. Писала и флоту. И подписывалась при этом Елизаветой всея Руси.

Алексей. Дальше меня не пошло. Пусть тщеславится. (*Пожав плечами.*) Не стоит она твоего внимания.

Екатерина. Ты напрасно так полагаешь. Женщина опасней мужчин. (*С нервным смехом.*) Ей уж мало принцессою быть. Всклепала, видишь ты, на себя имя

дочери Елизаветы Петровны от Алексея Разумовского. Каково?

Алексей. Да тут ведь только начать, а деле дело идет все шибче. Покойницу-императрицу жаль. Столько детей и все незавидные.

Екатерина. Здесь дело не смешно, а серьезно. Коли ты думаешь, что с Пугачом уже покончено, так заблуждаешься. Вовсе неспроста эта девка в некоторых своих посланьях себя объявляет его сестрой. Огнь под золой еще тлеет. Я уж постигла этот народ и знаю своих любезных подданных. Прими во внимание, что Пугачев имел сподвижников и сочувственников не только среди озверелой черни, но меж иных господ дворян.

Алексей. А ведь и то сказать, государыня, в слогe этой особы было некое очевидное сходство с пугачевскими бумаженцами.

Екатерина. Представь на мгновение, что эта тварь окажется в пределах империи? Можешь ты голову положить, что не найдется для ней опоры? Кроме того, поймей в виду, что тут Радзивиллова интрига. Нечего ждать, что они смирятся, что Белая Русь к нам отошла. Шашни с султаном тоже недаром. Пока не ратификован мир, он мыслит, нельзя ли вернуть хоть часть, что им в Чесменской бухте потеряно. Что же касается Римской церкви, то связь ее с Польшей слишком ясна. С некоторых пор в Ватикане худо спят – снится все тот же сон: православие в Европу заглядывает. Скажи по совести, ты убежден в нейтралитете иных держав? Если и было им не с руки прямо выступить за Пугачева, то эта распутница – дело другое. Она жила там долгие годы, имеет связи, и ко всему для общего мнения глядится приятней, нежели бородатый мужик. Алексей Григорьевич, твоему героизму Россия обязана приходом на италийские берега. Можно ли рисковать обретенным? Нами сделан лишь первый шаг.

Алексей. Какой, государыня, будет второй? Уж не прожект ли Григорья Потемкина?

Екатерина. А если и так? Ты стар для него?

Алексей. Далась ему Греческая империя! Больно мало что можно выиграть, да недолго все проиграть.

Екатерина. Слышу панинские слова. Вот не ждала, что рядом будете. Вижу, выветрились Орловы. Я чаяла, что в великих делах еще могу на вас опереться. Впрочем, всему на свете срок.

Алексей. Всему, да только не нашей верности. Зачем призвали, ваше величество?

Екатерина. В предвиденье всего того, что надлежит свершить, невозможно доле терпеть эту особу. Повелеваю схватить бродяжку и доставить ее сюда. Ты с дамами горазд управляться – сможешь и с девкой совладать.

Алексей. Что ж, авось полегче будет, чем флот турецкий пустить ко дну.

Екатерина. Надеюсь, граф. Но тут обойтись должно без пушечного грома. В совершенной благопристойности. Не привлекая внимания держав. А ежели не обойтись без шума, то с Богом! Потребуешь ее выдачи. Не повинуются – так и быть! Придет черед твоим канонарам.

Алексей. Исполню как надобно.

Екатерина. Постерегись. Сказывают, она хороша. Многих уже погубила.

Алексей. Не страшно. От этого яда средство есть.

Екатерина. Какое же?

Алексей. Нужно лишь вспомнить ту ночь. В Монплеzure. Как ты проснулась. И в первый раз на меня взглянула. Вся еще розовая от сна.

Пиза. Дом Ломбарди. Множество гостей. Нестройный шум голосов. Иногда то тут, то там возникает молодой человек, тщательно одетый, всем улыбающийся – Белоглазов.

Пожилой гость. Верно ль, что так она хороша?

Дама с орлиным профилем. Принчипе, сейчас вы переживаете последние минуты покоя. Когда вы увидите ее, жизнь ваша вступит в опасную пору.

Дама в пелерине. Так она русская? Мой брат встречал ее в Лондоне, потом в Париже. Говорят, что она была причиной многих разорений.

Дама с мушкой. Вы знаете ль, кто этот венецианец, который неотлучно при ней? Его зовут Бониперти, не так ли?

Молодой гость. Право, я не берусь ответить – одни утверждают, что он ученый, другие, что он авантюрист, третьи, что то и другое вместе. Но он доверенное лицо, наперсник...

Дама с орлиным профилем. Скорее всего, любовник.

Молодой гость. Кто знает? Но так или иначе, хотел бы я быть на его месте.

Пожилой гость. Женщины ее ненавидят, это говорит в ее пользу. И мы толкуем о ней полчаса. Что само по себе удивительно.

Молодой гость. Во всяком случае, Ломбарди в восторге – в его доме в один и тот же вечер две женщины, привлекающие внимание. Будет еще певица Морелли, из-за которой Милан обезумел.

Белоглазов. Господа, когда человек так богат, жизнь идет навстречу во всем.

Молодой гость. Принчипе, позвольте вам представить моего друга, русского дворянина. Это господин Белоглазов.

Пожилой гость. Я рад. Что привело вас в Италию?

Белоглазов. Завершаю образование, князь. Поверьте, Европа – великий гранительщик, незаменимый для нас, северян.

Молодой гость. Вот она, вот она, господа.

Входит Елизавета. Рядом с ней Пьетро Бониперти, невысокий смуглый человек, очень подвижной, с живыми, умными глазами.

Бониперти. Присядьте, мадонна. Здесь прохладно. Вы утомились. Принести вам мороженого?

Елизавета. Нет, не хочу. Да, здесь покойней.

Бониперти. Небо, как хороши вы сегодня. Эта толпа сошла с ума. Взгляните на этих жалких мужчин. Они вас раздевают глазами, они обсуждают каждый ваш шаг. Вас это веселит? У меня они вызывают отвращение. Невежественная, грубая свора... для них обладание выше молитвы.

Елизавета. Ты богомолен? Я не знала.

Бониперти. Я идолопоклонник, мадонна.

Елизавета. Бедный Пьетро...

Бониперти (*поспешно*). Идет капитан Снарк. Отнеситесь к нему серьезно.

Подходит плечистый англичанин с почти медным лицом. Елизавета протягивает ему руку, он почтительно ее целует.

Елизавета. Я много слышала о вас, капитан. Однажды в Лондоне господин Мэннинг сказал мне, что я почти наверно встречу вас в Италии.

Снарк. То же самое сказал он мне. Я был бы рад быть вам полезным.

Елизавета. Благодарю вас. Я безмерно нуждаюсь в друзьях. Я столько утрачивала в жизни, что стала спокойна к ее дарам, но всякий раз, когда друг уходит, сердце мое готово разбиться. Зато оно истинно ликует, когда я его нахожу. В Лондоне я встретила много расположения, и в этом городе навек осталась моя душа. Что за люди! Они обычно немногословны, но в их сдержанности чувствуешь силу. Не правда ль, на них женщина может положиться, когда против нее судьба?

Снарк. Вы совершенно правы, миледи. Нас с детства учат ценить дружбу и не бросать друзей в беде.

Елизавета. Завидное свойство, но женщины также им обладают, и они умеют быть весьма благодарными. Я надеюсь, что мой секретарь синьор Бониперти сумеет найти вас?

Снарк. Так же, как в случае необходимости я сумею найти его. (*Кланяется и уходит.*)

Елизавета. Кому я еще должна улыбаться?

Бониперти. Зачем считать улыбки, мадонна? Они помогали до сей поры.

Елизавета. Но для этого иезуита я их придержу.

Бониперти (*с живостью обернувшись*). Падре Паоло? (*Задумчиво.*) Все-таки он сюда пришел...

Елизавета. Он обманывает меня, Пьетро. Я не верю ему, не верю.

Бониперти. Все обманывают всех, мадонна. Таков наш мир.

Елизавета. И ты его часть?

Бониперти. Вам я верен, и вы это знаете. Осторожнее с этим попом. Но - не забывайте при этом - благосклонность святого престола ныне главная ваша надежда. Капитан Снарк - человек достойный, но Альбион всегда и во всем склонен скорее выждать, чем действовать. (*Отходит в сторону.*)

Приближается падре Паоло.

Елизавета. Не надеялась увидеть вас, падре.

Паоло. Зато я рассчитывал встретить вас, дочь моя.

Елизавета. Я решила, что вы от меня отступились. Я просила его святейшество об аудиенции. Мне ее не дали.

Паоло. Терпение и еще раз терпение. Римская церковь была и будет духовным щитом европейских держав. Бесспорно, нам было б отрадно видеть правительницу на вашей земле, способную удержать православие в естественных и разумных границах. Его святешество знает о вас и молится о вашем благе.

Елизавета. Все молятся обо мне, мой падре. Но никто не хочет помочь мне делом. Никому не важны в этом свете ни истина, ни попранное право. Увы! Никого не волнует, что на русском троне сидит сам демон, покусившийся на жизнь супруга и моего кузена. Наш мир уважает силу, и только ее. Но где же он видит эту силу? Два года в моей несчастной стране бушевал огонь возмущенья, и лишь чудо погасило пожар. Если б Европа мне помогла, когда враги мои изнемогали, я бы уже вернула то, что принадлежит мне по праву.

Паоло. Что делать, дитя мое. Каждый из нас должен ждать своего часа. Тем более благоприятный момент, по сути дела, вами упущен. Бесспорно, что было разумнее действовать в минувшем году, когда мятежники были недалеко от Москвы.

Елизавета. Вы знаете, падре, мое обращение к русскому флоту не встретило отклика. А католические державы сковала странная неподвижность.

Паоло. Будьте, однако же, справедливы. Ведь и турецкий полумесяц, чье несомненное угасанье, казалось, должно было побудить принять вас в расчет, мерцал так тускло! Но ободритесь – граф Орлов вновь появился под нашим небом.

Елизавета. Я слышала.

Паоло. Почему он здесь – вот что важно было бы знать. Затем, чтобы вновь поднять схизматиков? Дочь моя, вы могли б оказать большую услугу Святому престолу.

Пауза.

Что было бы хорошо и для вас. *(Медленно, наклонив голову, уходит.)*

К Елизавете возвращается Бониперти. Окруженный гостями, входит Ломбарди.

Ломбарди. Какой вечер, моя принчипесса! Клянусь, этот дом видел людей, украсивших век, но сегодняшний день будет мне памятен до могилы. Вы – моя гостья, принчипесса. Морелли, волшебница, будет нам петь, граф Орлов обещался меня почтить, и, наконец, позвольте представить величайшего драматического писателя, графа Гоцци. Он много слышал о вашей божественной красоте, но истина на этот раз оказалась выше молвы.

Граф Карло Гоцци целует Елизавете руку. Ему примерно 55 лет. Порывистые движения плохо гармонируют с важностью взгляда.

Гоцци. Это так, принчипесса, наш хозяин прав, и я сейчас поистине счастлив.

Елизавета. Это я должна быть счастлива, граф. Человек, чье слово рождает

страсти, не может не вызывать восхищения. Бог мой, сколько высокой радости вам должно было принести ваше призвание.

Гоцци. Радости? Право! О какой радости вы говорите? Принчипесса, вы можете мне поверить, ничего нет гнуснее судьбы драматурга. Вы можете тридцать лет писать, добиться восторгов, триумфов, славы, и все это не больше чем облако, способное растаять от первой тучки. Годы труда, более мучительного, чем труд каторжника, годы волнений, которые могут превратить здоровяка в тень, не значат ничего ровным счетом. Толпа не ведает благодарности, она вам рада рукоплескать, но истинно счастлива лишь тогда, когда может освистать и отвергнуть. Вся моя жизнь подтверждение этому. Мне выпало жить в странном городе Венеции. Вы там бывали?

Елизавета. Мой секретарь синьор Бониперти - венецианец.

Гоцци. В таком случае - бойтесь его, он - предатель. Все венецианцы - предатели.

Бониперти. Ах, конте, - кроме меня.

Гоцци. Это вы? Ну все равно, я рад случаю быть откровенным хоть однажды. О, этот город похож на женщину, он таинствен, он изменчив, непостижим, он способен все поглотить, как воды, на которых он плавает. Когда-нибудь он пойдет ко дну, в чем и будет высшая справедливость. Принчипесса, я отдал этому городу весь свой дар, скажу больше, я его образовал, хотя он этого и не стоил. Вы знаете ль некоего Карла Гольдони, он тоже писал пьесы и был кумиром публики. Он льстил искусно ее наклонностям, грубым, плотским, лишенным духа. Не хочу отрицать его дарования, но его заигрывание с залом унижало наше искусство. Вот тогда я вступил в сражение. Основал академию, стал писать для театра. Я вернул зрителям их историю, их мифы. Я доказал, что стоит народу забыть свою поэзию, и он становится толпой, бессмысленной толпой. Это был подвиг, принчипесса, но не думайте, что Гольдони умолк. О нет, началась борьба, борьба не на жизнь, а на смерть. На каждую его комедию я сразу же отвечал своей фьябой. Он же на каждую мою фьябу отвечал своею комедией. И все же он был обречен, принчипесса! Я поставил «Любовь к трем апельсинам», успех был немислимый, верьте слову! А за этой прелестной фьябой последовали девять других. Девять ударов, девять петард, девять пороховых бочек! Не стану их перечислять; вы их знаете: «Ворон», «Король Олень», наконец «Принцесса Турандот». О, «Турандот»! Моя жемчужина! Любимейшее мое дитя! Венец моих бессонных ночей! Клянусь вам, публика обезумела, театр «Сан Самуэле» не вмещал желающих, стены дрожали от криков восторга. Упрямец сдался, бежал из Венеции, которая принадлежала мне.

Ну что ж, принчипесса, вы полагаете, теперь я мог предаваться счастью? Всего лишь несколько дней, не больше. Спуск начинается на вершине. Театральный зал ждет новизны, он стал зевать на моих фьябах, и я должен был приняться за драмы, забыв о музыке стиха, и потакать этим новым вкусам, хотя мудрее было бросить перо. Но что делать, я этим злом отравлен и охотнее жарюсь на этом огне, чем вкушаю покой, мною заслуженный. Можете меня презирать, принчипесса! А кроме того, есть синьора Риччи, эта женщина лишит меня остатков разума, чем-то она похожа на вас. Представьте, я пишу пьесу за пьесой, чтоб она могла показывать всем достоинства, предназначенные для меня одного! С моей стороны это безумие, но таков уж театр - кто в него попадет, тот навсегда теряет рассудок.

Ломбарди. Ах, триумфаторы, что за люди, они никогда не бывают довольны. Не правда ли, принчипесса?

Елизавета. Не знаю. Я только завидую синьоре Риччи.

Гоцци. Вы слишком добры. Слишком добры.

Ломбарди. Господа, идемте, сейчас будет петь явившаяся с неба Морелли. Преступление пропустить хоть звук.

Елизавета, Гоцци, Бониперти следуют за хозяином. Внезапно среди гостей легкий шум и движение.

Боже мой, мой конте, я счастлив!

Навстречу Ломбарди идут Алексей Орлов и Кустов, строгий, торжественный, принаряженный. Елизавета остановилась, внимательно оглядела Орлова, затем со своими спутниками прошла в зал.

Алексей. Мое почтение, любезный хозяин. Сей господин, пришедший со мной, – знаменитейший российский поэт. Фамилия ему Кустов, и вам она, конечно, знакома.

Ломбарди. Кто же не слышал столь славное имя!

Алексей. И я так думаю.

Ломбарди. Ах, конте, я благодарен вам вдвойне. Но бог мой, как вовремя вы явились, Морелли уже начинает петь. Клянусь вам, вас ждет наслаждение.

Алексей. Верю.

Ломбарди, Алексей, Кустов и прочие господа проходят в соседний зал. Спустя несколько мгновений оттуда доносится пение. Показывается Белоглазов, останавливается в глубине, слушает. Появляются Алексей и Кустов.

Алексей. Насилу избежал от хозяина. Вот уж Сахар Медович, во рту даже сладко. (*Слушая пение.*) Хорошо хоть, женщина поет, а то тут всюду кастраты воют. Их голоса здесь в большой цене.

Кустов. Отменно поет госпожа певица.

Алексей. Мотай на ус, господин пиит, в такой компании ты сроду не был. Это тебе не кабак у заставы, хотя сволочи и тут предовольно. Стало быть, Кустов, не робей.

Кустов. В одной берлоге с медведем живучи, кого мне робеть, ваше сиятельство?

Алексей. Это я, выходит, медведь? Коли хвалишь, так мутно. Хвала хороша, когда она ясная, как слезинка. Или од никогда не писал?

Кустов. Какой российский пиит не писал их? Сам покойник Барков их писал. Его сиятельству, вашему брату.

Алексей. Вот тебе признанья бы чужого ума. А угощаться начнешь, гляди – содержи себя в строгости. Дома напьешься. (*Вдруг мрачней.*) Это кто еще?

Белоглазов. Честь имею представиться, ваше сиятельство, – дворянин Белоглазов.

Алексей. Откуда взялся, господин Белоглазов?

Белоглазов. Обучаюсь наукам в чужих краях.

Алексей. Дело доброе, молодой человек. России ученые люди надобны. Вот,

кстати, и господин пиит – zelo учен. Слыхал про Кустова?

Белоглазов. Ваше сиятельство, не довелось.

Алексей. Что ж ты? Чай, иноземных всех сочтешь. Нехорошо. (*Кивнув вокруг.*) Здесь-то часто бываешь?

Белоглазов. Не так чтоб часто, но приходилось. Дом любопытный, кого не встретишь. Всем лестно – хозяин больно богат.

Алексей. Я гляжу, ты малый не промах. (*Внезапно.*) Пройдите в зал, господа земляки. Послушайте пение.

Белоглазов. Как прикажете.

Показываются Елизавета и Бониперти.

Кустов (*остановившись, потрясенно*). Господи, женщина-то какая...

Алексей (*негромко, внушительно*). Шевелись, господин пиит, шевелись.

Кустов и Белоглазов уходят. Алексей отступает в глубину.

Елизавета (*садится*). Я его другим представляла.

Бониперти. Бойтесь его, мадонна, бойтесь. Верьте, мне было достаточно взгляда, чтобы понять, сколь он опасен.

Елизавета. Он неспроста явился, я знаю. Отчего-то мне и тревожно, и радостно. Я предчувствую в своей судьбе долгожданную перемену.

Бониперти. Прислушайтесь лучше к моим словам.

Елизавета. О чем ты? Или звезды мне лгут? Или ты им больше не веришь?

Бониперти. Мадонна, судьбу нельзя искушать.

К ним приближается Алексей.

Алексей. Я мог просить, чтоб меня представили, но рассудил, что представлюсь сам.

Елизавета. Вам нет нужды представляться, граф. Среди русских вряд ли есть хоть один, кто бы не знал своей же славы.

Алексей. Благодарствую. Хоть и не заслужил... (*Запнулся.*)

Елизавета (*живо*). Не знаете, как ко мне обратиться? Я вас выведу из затруднения – можете звать меня княжной.

Алексей. Изрядно сказано, хоть и впервой помогают мне. Весь свой век я, княжна, помогал прочим.

Елизавета. Эти слова вселяют надежду. Мой секретарь – синьор Бониперти.

Бониперти. Граф, к вашим услугам.

Алексей (*с еле уловимой интонацией*). Весьма рад. Мне очень это знакомство лестно.

Елизавета (*обратясь к Бониперти*). Вот теперь мне душно. Принесите мороженого.

Бониперти. Слушаюсь, мадонна. Иду. (*Медленно уходит.*)

Алексей. Сколь могу судить, господин преловкий.

Елизавета. Я уснула его, полагая, что вдруг вам неприятен любой свидетель. Вы столь верный слуга государыни вашей...

Алексей. Благодарю, княжна, за заботу. Мы, Орловы, в своих поступках вольны и отчета в них не даем.

Елизавета. Но когда я писала вам, вы не ответили. Или, может быть, не решились ответить?

Алексей. Зачем вам письмо мое? Я сам явился.

Короткая пауза.

А свидетели мне и впрямь не нужны. Нам без свидетелей лучше будет.

Елизавета. Я живу на виа Кондотти, граф. Вы мой дом просто найдете.

Алексей. Не сомневайтесь, княжна, найду. (*Как бы слушая пенье, внимательно глядят друг на друга.*) Много слышал я, сколь вы совершенны. Однако ж не мог и вообразить.

Елизавета. Граф, перед вами несчастная женщина.

Алексей. Княжна, кто счастье другим дарит, сам счастлив редко бывает. Но и тут фортуны можно дожидаться. Страшен черт, да милостив Бог.

Елизавета. В эту минуту я счастлива, граф.

Алексей (*чуть помедлив*). Я так же, княжна, – как давно уже не был.

Пение обрывается. Звучат аплодисменты, восторженные голоса.

В доме на Via Condotti. Вечер. Елизавета и Бониперти.

Елизавета (*глядя в окно*). Поздно, а улица все пуста. Что за тоска, душа не на месте. Вот и весна пришла. А зачем? Так я ждала ее. Ты уверял, что она мне благоприятна будет? Нет, не хочу весны, не хочу. Прежде любила, теперь уж нет.

Бониперти. Мадонна, вы мне должны довериться. Все исчислено, все сочтено. Давно уж Томас Иосиф Мут, неаполитанец, предсказал все действия, продолжающиеся до конца веков. Каждые двадцать восемь лет круг жизни меняется. Несчастный круг подходит к концу.

Елизавета. Ты говоришь, число мое – юр?

Бониперти. Истинно так, мадонна, – юр. Солнце описывает круг через двадцать восемь числ, и каждому отвечает год. Фер, квар, юр, амат, генус...

Елизавета (*прерывает его*). Так, помню, помню... Значит – юр? И ошибки нет?

Бониперти. Мой бог, все движение было измерено в тринадцатом веке и с той поры за пять столетий не отклонилось ни на шаг. Число ваше – юр – третье солнечное число. И оно ударяет на год тысяча семьсот семьдесят пятый...

Елизавета. Ах, продолжай, продолжай... я слушаю.

Бониперти (*берет ее руку в свою*). Будет студеной весна, а лето благоспешным, осень будет сырой и благополучной, зима протяжной. Хлеб будет дорог, но виноград изобилен. И брак великого государя успокоит народы.

Елизавета (*озабоченно*). Чей же брак?

Бониперти. Терпение – нам все откроется. Следуйте только за мной послушно. Помните, вы рождены под Юпитером – он совершает свой путь за двенадцать лет. Ныне он ближе к Земле, чем когда-либо.

Елизавета. Ты прав, Юпитер – моя планета.

Бониперти. И это лучшая из планет. Тот, кому выпало под ней появиться, отмечен милостью Провидения. Это влажность и теплота, мир и добро. Цвет ее синий, а вкус сладкий. Ее растение – дуб, ее плоды – сахар, орех, миндаль, ее камни – смарагд, аметист, сапфир, а металл ее – цинк. Ее животные – орел и олень...

Елизавета. Ты еще позабыл – в часы Юпитера хорошо короновать королей и праздновать свадьбы.

Бониперти (*мрачней*). Вы помните только об этом, мадонна.

Елизавета (*вздыхая*). Прекрасны знамения, но цель далека.

Бониперти. Кто знает, будете ли вы счастливее, когда достигнете ее, чем ныне, когда вы к ней стремитесь?

Елизавета. По-твоему, счастье недостижимо?

Бониперти. Вы из тех, для кого оно не в цели, но в средствах. Есть натуры – волнение на пути для них дорожке приобретения. Что заставляет вас вести эту жизнь, в которой все непрочно? Послушайте, вы имели все, что женщина может лишь пожелать, – любовь, поклонение, даже богатство. И каждый раз предпочитали подвергнуть все риску и начать игру заново. Что причиной? Не ваша ли странная кровь, которая туманит вам голову? Вы совершили уйму безумств, но

ведь вы из тех, кто обязан радостью своим ошибкам.

Елизавета. Если ты прав, то лишь в одном – всякое удовлетворение есть прозябание. Когда это верно для мужчин, то что же тогда говорить о женщине? Она живет для того, чтобы влачить свои дни либо в бессмысленной праздности, либо в обязанностях, еще более бессмысленных. И сердце и ум ее в вечной дремоте. Любовь, для которой она рождена, для нее несбыточна. Слишком много находится тех, кто готов погубить ее, и мало тех, кто ей сострадает.

Бониерти. И я обречен это слышать от вас? Я бросил свою судьбу вам под ноги, я должен сносить все ваши прихоти. Сто раз на дню я погибаю – от горя, от ревности, от безнадежности. И слышу, что вы не знали любви! Нет, вы знали ее столько, сколько не выпадало на долю ни одной из ваших сестер! Да и сами дарили ею столь многих! Вы были добры решительно ко всем, кроме меня. Ну так знайте – когда вызывают сатану, перед этим постятся и пьют вино на черном маке и конопляном семени, выжав в чашу белье распутницы. Ваше белье для этой цели подошло б наилучшим образом! Женщина лживая, без совести и стыда! Стоило вам почувствовать власть, и вы перестали даже таиться. Это вам-то не пострадали? О, я бы бежал от вас на край света, если б не знал, что без меня вы погибнете. Кто вам поможет? Пий Шестой? Кто вас спасет? Ваша Франциска? Ваши поляки? Ваши лакеи?

Елизавета. С тобой или нет, будет то, что будет. Но в чем ты винишь меня? Бедный друг, свою участь ты выбрал сам. Разве не ты во мне пробуждал это бессонное честолюбие? Не ты носился по всем столицам, сговариваясь о моих шагах, внушая, что надлежит мне делать? Не ты ли всегда меня уверял, что Ватикан меня не оставит? И что ж, почуяв, что я становлюсь хозяйкой своей судьбы, ты решил остановить меня, чтобы я повиновалась твоим желаньям? Я искала любви? Но в этом мире она мне была единственным прибежищем. Прости мне, если не у тебя искала ее.

Бониерти. Простите и мне. Я знаю, слова мои несправедливы. Я зол на себя, а не на вас. Но я схожу с ума от отчаяния, видя, что вы готовы сделать худшую из своих ошибок.

Елизавета. Молчи, или я тебя прогоню.

Бониерти. Вы ждете его, слепое создание? Вы можете думать, что человек, осыпанный всеми дарами фортуны, достигший почти императорских прав, забудет все ради женских глаз и все, что имеет, поставит на карту?

Елизавета. Что ж, однажды он так и сделал.

Бониерти. Да, но это было очень давно, ему еще нечего было терять.

Елизавета. Кроме своей головы.

Бониерти. Пусть так. Но жизнь для подобных людей – своя ли, чужая – цены не имеет. Их привлекает только власть. Теперь, когда он ею обладает, он не расстанется с нею.

Елизавета. Правда. Но он захочет ее увеличить.

Бониерти. Признаюсь вам, я себя проверял и вновь составил ваш гороскоп. Аспект в первом созвездии ясен – враг поджидает вас в тишине.

Елизавета (*озабоченно*). Как же? Ведь отраженный свет был для меня благоприятен?

Бониерти. Если вы будете осторожны.

Елизавета (*глядя в окно*). Боже милостивый, наконец.

Бониперти. Мадонна, есть еще время, исчезнем. В мире выигрывает лишь тот, кому удастся лучше укрыться. Мы еще молоды – вы и я. Возьмем жизнь, пока она с нами.

Елизавета (*улыбаясь своим мыслям*). Поздно, Пьетро, теперь уже поздно.

За дверью шаги и голоса.

Бониперти. Клянусь вам, я его не пущу. Скажите Франциске, что вы больны.

Входит Алексей. Несколько мгновений он и Елизавета молча смотрят друг на друга.

Елизавета. Я вас уже перестала ждать.

Алексей. Я на ветер слов не бросаю.

Бониперти (*ненавидяще*). Граф, вы пришли в неурочный час.

Алексей. Ступайте, господин секретарь, вы не понадобится сегодня. (*И так как Бониперти остается стоять, он легонько его приподнимает и выносит за дверь. Затем поворачивается и медленно идет к Елизавете.*)

Спустя неделю. Ночь. Алексей и Елизавета в доме на Via Condotti. Далекая мелодия.

Елизавета. Как ночь тепла. Слышишь, играют...

Алексей. Как не слышать. Все не уймется.

Елизавета. Влюбленный какой-нибудь кавалер, хочет, должно быть, занять свою даму.

Алексей. Этим ли занимают дам? Дамы любят другие песни.

Елизавета. Знаешь ли, чего я хочу? Хоть бы со мной ты позабыл свою превеликую опытность.

Алексей. Где там? Годы, Лизанька, давят больно. Что прожито, того уж не скинешь.

Елизавета. Когда ты почувствовал в первый раз, что я тебе дорога?

Алексей. Не вспомню. Как увидел, так понял – она.

Елизавета. И я поняла. Едва ты вошел. Вот и судьба моя. Все решилось.

Алексей. Неужто уж неделя прошла, как я сюда явился?

Елизавета. Так мало!

Алексей. Неделю ровно к тебе пришит. Ровно к кресту прибит гвоздями.

Елизавета. Сладок ли крест?

Алексей. То-то, что сладок. Зелье какое дала?

Елизавета. Не зелье. Есть другое тайное средство.

Алексей. Какое ж?

Елизавета. Нельзя говорить.

Алексей. Скажи.

Елизавета. Только заснул ты, я сорвала три волоска с твоей груди, потом их связала с тремя своими и, положив на грудь, сказала: возлюбленный, полюби меня. Это и есть заклятие Шивы.

Алексей. Откуда все это знаешь? Ты ведьма?

Елизавета. Ведьма, Алеша, – теперь ты мой.

Алексей. Чай, итальянец тебя обучил?

Елизавета. Бойся его, Алеша.

Алексей. Зачем?

Елизавета. Люди малого роста опасны.

Алексей. Мне все едино – велик иль мал. Орловы никого не боятся.

Елизавета. И своей государыни?

Алексей. Ты. Ты моя государыня.

Елизавета. Тише. Срок еще не пришел.

Алексей. Придет. Если вторую Екатерину я посадил на русский трон, то и вторую Елизавету на него возведу.

Елизавета. Алеша... Как она, верно, меня клянет.

Алексей. Что тебе, право, об этом думать?

Елизавета. Она уж и того не простит, что я на двадцать лет моложе.

Алексей (*смеясь*). Я свидетель, что это так.

Елизавета. Она должна меня ненавидеть, как ненавидят человека, которому причиняют зло. И чем ему больше делают зла, тем больше ненависть. Только подумай, все она у меня отняла – имя, корону, мою судьбу. Милый мой, я тебе покажу духовное завещание матери. Сколько враги за ним охотились, уповая скрыть от меня тайну моего рождения. Я уж ребенком мешала всем. Впрочем, как знать? Мадам Ментенон не стала бы королевской женой, если бы ее колыбель не раскачивалась в темнице.

Алексей. Вот и я того же держусь, что препятствие не помеха. Поставишь перед конем забор, он его и перемахнет.

Елизавета. Все-таки в детстве мне лучше было. Ах, не хотелось мне вырастать. Точно предчувствовала, что ждет. Я тогда в Персии жила. Ты никогда в Персии не был? Что за страна, на сон похожа! В городе Исфагани стены ночью прозрачны, как кружева. Кажется, дунь, и улетят. Как в сказке. Италия – это земля, а Персия – небо.

Алексей. Ты все запомнила.

Елизавета. Детские годы я больше помню, чем те, что рядом. Согрей, Алеша. Я вдруг озябла. Ох, дай вздохнуть.

Алексей. Много ты видела разных стран?

Елизавета. Много, Алешенька, я скиталица. Видно, что звезды меня берегли. Я под Юпитером родилась. А знак мой Стрелец. Когда он восходит, тогда Юпитер повелевает. Звезда же моя зовется Альзебра.

Алексей. Красивое имя.

Елизавета. Надобно верить в свою звезду, она и поможет. Дай, я тебе надену перстень. Это ведь не простой перстенок. Это твой талисман, Алеша. Пантакль. Скоро ты сам увидишь, какова в нем сила влияния. Видишь, в оправе его сапфир. А сапфир – это камень солнца. Под ним же листик гелиотропа. Сапфир – это мой заветный камень. Он исцеляет от меланхолии, усугубляет мужество, тешит. Утром взгляни, что за синий цвет. Густ и темен, почти фиолетов. Любимый мой цвет. А мы с тобою – теперь одно.

Алексей. Спасибо, Лизанька. Все-то ты знаешь.

Елизавета. погоди. Я многому тебя научу. Свойства камней многообразны. Надо их помнить, сердечный друг. Аквамарин укрепляет зрение и лечит ярость. Зато алмаз смиряет гнев и дает воздержание.

Алексей. Ну его к лешему. Ни к чему.

Елизавета. Вот ведь ты какой ненасытный. Гиацинт спасает от грома, смарагд обезвреживает яды.

Алексей. Вот это дело.

Елизавета. А бирюза мирит поссорившихся супругов.

Алексей. Обойдемся и без нее. *(Обнимает Елизавету.)*

Елизавета *(тихо)*. Багряно-желтый сердолик помогает разрешиться от бремени.

Алексей. Это уж точно мне надо знать.

Елизавета. Что ж ты смеешься? Жизнь моя, ты знаешь ли, о чем я мечтаю? Тебе наследника подарить. Тебе и России. И чтоб он был красив, как мать, силен, как отец, и храбр в любви, как они оба.

Алексей. Ой, Лизанька, рано еще мечтать. Действовать надобно. Знаешь ли ты, в чем отличие бессмертных от смертных? Не в дарованьях и не в уме – в способности к действию. В ней одной. Завтра я отбуду в Ливорно. Там стоит послушный мне флот. Для него закон – мое слово.

Елизавета. Алеша, не оставляй меня.

Алексей. Не дело мужчины лежать под юбкой.

Елизавета. Если ты уйдешь хоть на час, я умру, я и жить не стану.

Алексей. Едем со мной.

Елизавета. С тобой?

Алексей. Решись.

Елизавета. Как же... так вдруг?

Алексей. Чего же мешкать?

Елизавета. Милый, я сама не пойму. А боязно...

Алексей. Что ж нам теперь бояться? Кто боязлив, тот воюй на перине и не мечтай о русском троне.

Елизавета. Правда твоя.

Алексей. Теперь, мой друг, положимся на свою фортуны. Вынесет, будем вместе жить, а выпадет помереть, так рядом.

Елизавета. Еду.

Алексей. Ты женщина по мне.

Елизавета. Отныне и навсегда, Алексей, – одна ты мне на земле защита.

Алексей (*чуть слышно*). Ах, Лизанька, приголубь меня. Дай позабыть про все на свете. Про все, что знал, про все, что узнаю. А пальчики у тебя что пух. Как облачко по щеке порхнуло. Ах, Лизанька, где я с тобой побывал? На земле так не было, на небе не будет.

Елизавета. Подумай только, в какую-то ночь мать моя и отец мой вот так же любили друг друга и шептали: ах, Лизанька, ах, Алеша, ах, Лизанька... чтоб мне потом явиться на свет и ныне тебе шептать вот так же: ах, Алеша... и слышать в ответ: ах, Лизанька...

Алексей. Приедем в Ливорно, утром солнце взойдет над бухтой, ветер раздует нам паруса, и полетим мы с тобой по морю.

Занавес.

Палуба корабля. Лесенка ведет в кают-компанию. Елизавета и Кустов. Вечереет.

Кустов (*чуть нараспев*).

Все в свете суета, в котором мы живем.

Все тленность, все ничто, мечта пустая в нем.

Мы только за одной стремимся суетою,

За нами суета, и нет душе покою.

Елизавета. Ах как верно, так верно, чудо как верно!

Кустов (*нараспев*).

Мучительная страсть, престань меня терзать,

Престань прекрасную мне в память воображать.

Мне скучно, где моей драгой не обретаю,

И пусто меж людей без ней, я почитаю.

Елизавета. Все так, все так. Женщина так же себя ощущает.

Кустов.

Жестокая судьба грозит бедами мне.

Я мучусь наяву, я мучусь и во сне.

Елизавета. Как ты сказал? Повтори. Жестокая...

Кустов. Жестокая судьба грозит бедами мне.

Елизавета. Что за дар – слова отыскать, чтобы они в самой душе отзыв родили. Дар высокий! Не правда ль, Михаил Никитич, в словах вся музыка заключена, все равно что в клавишах или в струнах, ее из них надо только добыть.

Кустов. Справедливо заметить изволили. Оттого-то пиит своей судьбы, сколь бы горькой она ни была, на другую не променяет, что Бог вложил, то Бог и возьмет.

Елизавета. Как пели вчера на берегу! Все отдать за такое пенье! Помню, ребенком еще, среди ночи, я вдруг проснулась, слышу, поют. Я и пошла на звук голосов. Долго я шла – едва догнали. Так ворочаться не хотела, так плакала – не приведи господь.

Кустов (*чуть слышно*). Ваше сиятельство, Лизавета Алексеевна, вернулись бы, а?

Елизавета. Ты что бормочешь?

Кустов. Слова более не скажу. А вот вам крест – не надо вам с нами. Мы не для вас, а вы не для нас.

Елизавета. Что с тобой, Михаил Никитич? Если б тебя Алексей Григорьевич услышал...

Кустов. На месте б меня убил.

Елизавета. Вот видишь. Отныне нам врозь не жить. Понял? Мы теперь

неразлучны. Значит, мой друг, совет твой дерзок.

Кустов. Прошу вас великодушно простить.

Елизавета. Прощаю – больно стихи душевны. И день сегодня четверг. Мой день.
(Уходит.)

Кустов сидит, опустив голову на руки. Появляется

Алексей – насуплен и мрачен.

Алексей. Рожу что прячешь? Верно, опухла? С опохмелу, поди, разнесло?

Кустов. Трезвый я.

Алексей. Расскажи другому. Трезвым ты отродясь не бывал. И на корабль к ночи вернулся, видно от трезвости.

Кустов. Задержали. Встретился давешний дворянин.

Алексей. Белоглазов? Он уж в Ливорно?

Кустов. О том, ваша светлость, и говорю.

Алексей (*резко*). А спрашиваю – так повтори. Невелик барин – язык не отсохнет. (*С усмешкой*.) Что ж, за наукой сюда он прибыл?

Кустов. Сказывал – денежные дела.

Алексей. Борзый щенок – где мы, там и он. Чай, о княжне пытал?

Кустов. Беспременно. Долго ль в палате жила и легко ли приглашение приняла. Как себя чувствовать изволят на корабле?

Алексей. Про меня говорил?

Кустов. Сторонкой. Как ваше расположение, скучны или веселы? Скоро ль в путь?

Алексей. Вишь, доброт. Не ухватишь, скользок. Значит, поил он тебя?

Кустов. Поил.

Алексей. Щедрость похвальная. Ты не сплосал ли?

Кустов. Где ж ему супротив меня?

Алексей. Только и есть чем похвалиться.

Пауза.

(*Задумчиво*.) Ну, брат, пора канаты рубить.

Кустов. Ваша светлость...

Алексей. Чего еще?

Кустов. Позвольте словечко...

Алексей. Ври, да быстрее.

Кустов. Ах, ваше сиятельство, прилично ли вам, многопрославленному герою, пред коим трепетали народы, чье имя записано на скрижалях... *(Смолкает.)*

Алексей. Сказал - не тяни.

Кустов. ...вступить в поединок со слабой женщиной?

Алексей *(бешеным шепотом)*. Прочь.

Кустов. Помилуйте...

Алексей. Удушю. Утоплю. В мешке. Как дворнягу. Пес шелудивый. Пьяная вошь. С кем говоришь? О чем дерзнул? В каюту! Тотчас. И отсыпайся в ней трое суток. А высунешь длинный свой нос - отрублю.

Кустов, потрясенный, уходит.

Алексей мрачно шагает по палубе.

Показываются адмирал Грейг и Де Рибас.

Какие новости, господа?

Грейг. Ваше сиятельство, британский фрегат на рейде. В полной готовности сняться с якоря.

Алексей. Снарк?

Грейг. Капитан Снарк, так точно.

Де Рибас. У него на борту венецианец.

Алексей *(мрачно)*. Бониперти.

Де Рибас. Он самый, ваше сиятельство. Все нас высматривает в трубу.

Алексей. Вишь, соглядатай.

Де Рибас. Он в Ливорно крутился все последние дни.

Алексей. Со Снарком он еще в Риме снюхивался. Ловкая бестия и не трус.

Грейг. Какое будет распоряжение?

Алексей *(размышляя)*. Положим, британец мне не барьер. Да и хозяева не фыркнут. Пятеро слуг, не считая служанки на корабле. Ну, это не в счет. И все-таки шум вполне возможен. А я намерен уйти без шума. Зане серьезные предприятия совершаются в тишине. *(После паузы, решительно.)* Буду венчаться, господа. Подготовить кают-компанию. Канонирам и фейерверкерам быть наготове.

Грейг. Будет исполнено. *(Уходит.)*

Алексей. Федьку Костылева ко мне.

Де Рибас. Слушаю, ваше сиятельство.

Алексей. С Богом. Или - с чертом. Тут не поймешь. И запомните, де Рибас, - начиная, не останавливайтесь. Раз начали - следуйте до конца. Это я говорю вам дружески.

Де Рибас. Ваше сиятельство, я от вас в восхищении. Костылева тотчас пришло.
(Уходит.)

Появляется Елизавета. Она внимательно смотрит на Алексея.

Алексей. Что с тобой, госпожа моя?

Елизавета. Милый, я и сама не знаю. Утром так была весела, а к вечеру вдруг тревожно стало. Оттого ли, что небо темнеет и волна свой цвет поменяла? Не понять, а на сердце смутно.

Алексей. Видно, сердце – дурной вещун.

Елизавета. С детства моря я не любила. Как увижу, так холодею. Море – это обман, измена. Я на берег хочу.

Алексей. Когда?

Елизавета. Хоть сейчас.

Алексей. Нет, сейчас нельзя.

Елизавета. Почему ж?

Алексей. Потому что скоро будут нас с тобою венчать.

Елизавета. Нас? Да где же?

Алексей. На корабле.

Она бросается к нему, прячет лицо на его груди.

Я, возлюбленная моя, морю славой своей обязан, в нем и счастье свое приму. А простой корабельный поп свяжет крепче, чем патриарх. (Обнимает ее.) Погляди на меня подольше. Погляди на свою судьбу. Не хочу я ни знать, ни думать, кто тебя утешал, кто нежил, кто в любви тебе присягал и кому ты сама клялась. Сколько б ни было, я – последний. Уж теперь никого не будет.

Елизавета. Никого, никого, мой друг. Все, что было, – было так жалко. Все, что было, – уже позабыто. Верь, Алеша, никто, как я, не сможет сделать таким счастливым любимого человека. Верь. За то, что я сейчас испытала, одарю тебя тысячекратно такую лаской, такой заботой, каких и не было на земле.

Алексей (глухо). Ты, Лизанька, уже одарила.

Елизавета. Помнишь, сказал ты, что я – по тебе?

Алексей. Да, ты – по мне.

Елизавета. Нас Бог пометил. Не было женщины и мужчины, чтоб так друг для друга пришли в сей мир.

Стоят обнявшись, не говоря ни слова.

Алеша, я платье переменю. Меня Франциска тотчас оденет.

Алексей. Поскорей. Все будет готово.

Елизавета уходит. Появляется матрос Федор Костылев.

Федор. Явился по вашему приказанию, ваше сиятельство.

Алексей. Здорово, Федор. Сказывают, что ты лицедей.

Федор. Бывает, ребяташки заскучают, а я тем часом развеселю.

Алексей. Доброе дело. Тебе зачтется. Доносили, что и меня представляешь?

Федор (*падая в ноги*). Не погубите!

Алексей. Встань, дурачье. Неужто думал, что не прознаю?

Федор (*смиренно*). Так серость наша и глупость наша. Все на авось прожить норовишь. Что поделаешь – служба такая. Авось вынесет, авось пронесет.

Алексей. Нет, ты не дурак.

Федор. Нешто не знаю – граф Орлов дураков не любит.

Алексей. Хват. Морскую службу постиг. А откуда церковную знаешь?

Федор. Сызмальства отец Никодим, батюшка наш, меня приваживал. А я мальчонкой приметлив был.

Алексей. Ты и сейчас не лыком шит. Ну вот что. Ступай, нарядись попом. Сыграешь свадьбу.

Федор (*растерянно*). Ваше сиятельство...

Алексей. Не хлопай моргалками – не девица. С барыней будешь меня венчать. Да чтоб все в точности было. Комар чтоб носу не подточил.

Федор. Ваше сиятельство, увольте, ведь грех...

Алексей. Федор, ты со мной в Чесме был. Ежели я говорю – значит надо. Мы с тобой государыне служим.

Федор. Святое ж таинство, ваше сиятельство!

Алексей (*тихо, отдельно*). Слово еще – на нее повешу. Ты меня знаешь – я не шучу.

Федор (*одними губами*). Слушаюсь, ваше сиятельство.

Алексей. Мигом. Понял меня? Стрижена девка чтобы косы не успела заплесть.

Федор исчезает. Входит Елизавета. Она в белом кружевном платье.

Ты ли?

Елизавета. Доволен ты мной, Алеша?

Алексей. Помедли. Дай мне налюбоваться. Неописуемо хороша.

Елизавета. Еще налюбуйся. Времени много.

Алексей. Много ли, мало – знает лишь Бог.

Елизавета (*смеясь*). Не подходи. Изомнешь, Алешенька. До чего ж ты нетерпелив.

Появляются Грейг и Де Рибас.

Алексей. Все ли готово, господа?

Де Рибас. Все, ваше сиятельство.

Алексей. А коли так, позвольте мне предложить вам руку. Адмирал Грейг и де Рибас будут у нас, княжна, шаферами.

Елизавета. Благодарю вас, господа. Я никогда про то не забуду.

Алексей и Елизавета спускаются по лестнице. Грейг и де Рибас следуют за ними. Появляется Кустов. Озираясь, сходит по ступенькам. Неслышно приоткрывает дверь. Доносится голос Федора...

Голос Федора. ...Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа... Аминь. Венчается раба Божия Елизавета и раб Божий Алексей. Аминь.

Кустов зажимает уши руками и стремительно убегает. Спустя несколько мгновений на палубу возвращаются Елизавета, Алексей, де Рибас и Грейг.

Алексей. Салют в честь новобрачных. И фейерверк. (*Негромко, де Рибасу.*) И пускай господин Снарк купно с синьором Бониперти на наш праздник глядят да радуются.

Де Рибас усмехнулся, ушел.

Елизавета. Алеша, бог мой, какое счастье. Я сейчас сама не своя.

Алексей. Мой друг, ты устала. Ступай к себе.

Елизавета. Супруг мой, отец мой, моя защита.

Алексей. Иди же, Лизанька, отдохни.

Возвращается Де Рибас.

Де Рибас. Позвольте, графиня, я провожу вас.

Уходит вместе с Елизаветой.

Алексей (*снимая с пальца перстень*). Видите, адмирал, сей камень?

Грейг. Ваше сиятельство, он превосходен.

Алексей. Это, прошу заметить, сапфир. Исцеляет от меланхолии, а кстати, усугубляет мужество.

Грейг. Безусловно, ценная вещь.

Алексей (*усмехается, медленно швыряет перстень за борт. Кивнув в сторону, куда ушла Елизавета, глухо*). Делайте, адмирал, ваше дело.

Грейг молча отдает честь и уходит. Гремит пушечный салют. В темное небо вздымается и озаряет его фейерверк.

Занавес.

Петропавловская крепость. Князь Голицын, Шешковский, Елизавета.

Голицын. Сударыня, должен сказать по чести, терпение мое на исходе. Ежели вы, наконец, ко мне не проникнетесь полною доверенностью и не станете отвечать, мне придется допрос поручить почтенному господину Шешковскому. Рекомендую – Степан Иванович. Мастер сих дел.

Елизавета. Чего вы хотите?

Голицын. Истины, более ничего. Кто вы? В какой семье родились? Есть сведения, что ваш отец держал трактир в городе Праге. Есть также сведения, что он был булочником в Нюрнберге.

Елизавета. О да! Быть может, вы взглянете на меня? Я очень похожа, ваше сиятельство, на дочь трактирщика или булочника?

Голицын. Поверьте, сударыня, что нелегко уследить все ваши передвижения. Когда, спасаясь от заимодавцев, вы выехали из Киля в Берлин, вы были девицею Франк. А в Генте вы уже назывались Шель. Засим, в туманном Альбионе, сиречь в Лондоне, вы появились под именем госпожи Тремуй. После чего своим посещением вы осчастливили Париж. Здесь вы явились уже персианкой, прозываясь Али-Эмете.

Елизавета. Так меня называли в Персии, где я воспитывалась.

Голицын. Натурально. Когда персианка образовалась, она отвергла имя Востока и стала Алиною. После чего она обратила огненный взор свой на наше северное отечество.

Елизавета. Мое сегодняшнее положение отлично доказывает, князь, что я была вынуждена принимать разумные меры, чтобы укрыться от лютой злобы моих преследователей.

Голицын. Но тогда из каких же причин вы перестали быть Алиной и даже принцессой Володимирской? Какая нужда побудила вас наречься дочерью ее величества почившей Елизаветы Петровны?

Елизавета. А та нужда, что царская дочь не властна над своей судьбой. Однажды наступает тот день, когда она уж не смеет таиться и дале скрывать свои права.

Голицын. Безумная женщина, вы упорствуете. Бог свидетель, что я хотел избавить вас от лишних страданий. Я мучусь с вами четвертый день. Извольте. Я вас препоручаю Степану Иванычу. Когда одумаетесь, дайте мне знать.

Елизавета. Ваше сиятельство, благоволите передать ее величеству, что я прошу ее об аудиенции.

Голицын. Вы сошли с ума. *(Уходит.)*

Шешковский. Егорушка!

Входит солдат.

Завари чайку. Да травки моей подсыпь побольше. Ох, ломит косточки, ох, беда. Был я, сударыня, в Божьем храме, покамест поклоны клал, прохватило. Второй уж

день не разогнись. И делом заняться несподручно. Прогневал Творца, а чем, не ведаю.

Елизавета. Молчите, я не хочу вас слушать.

Шешковский. Сударыня, его сиятельство князь мягок сердцем. Высокое имя. Старинный род. Кругом благородство. А я, голубушка, из приказных. Был мальчонкой на побегушках, был копиист, а вот, однако ж, стал и обер-секретарем. Всего достигнул одним смирением и твердым исполнением обязанностей. Вон вы, голубушка, замахнулись на царское имя. Это просто. А вот царское дело – трудно. Царское дело – копить и множить. Из всех царей достойнейшим был Иван Калита, земля ему пухом. Не спеша прикупал деревеньки. Мало-помалу и преуспел.

Елизавета. Доставьте ко мне мою служанку. Где мои слуги? Они у вас?

Шешковский. Все здесь, сударыня, и слуги, и барышня ваша Франциска Мешед, и польские ваши приятели тоже. Всем места хватит, всех примут, всех. Здесь приют и конец скитаний.

Солдат вносит чай.

Егорушка, спаси ты Господь. *(Отхлебывает.)* Вкусен чаек, а все – моя травка. Только сыпать ее с умом. Ступай.

Солдат уходит.

Вот и полегче стало. Ну что же, приступим, перекрестясь.

Елизавета. Что это? В ваших руках – кнут? И вы дерзнете ударить женщину?

Шешковский. Мужчина, женщина – все едино. Все Божьи твари, ангел вы мой. И кнут от Бога. Чрез него смирению учимся. А смиреньем достигаем спасенья души. Гордыня-то к добру не приводит. От гордыни рушились царства. А про смертного человека нечего даже и говорить. Смертный человек, он ведь глуп. Мнит себя чуть не Богу равным. Тут-то его кнутом и хлестнуть. Чтоб помнил: нет, ты не Бог, но прах. Ты червь! А коли червь – пресмыкайся. Глядишь, и просветленье приходит. И к небу мыслями обращен. Плоть страдает, а дух ликует.

Елизавета. Прошу вас, не подходите ко мне.

Шешковский. Сударыня! Вы полагали, в Италии пребываете в безопасности. А у державы длинные руки. Она и в Италии вас достанет. Их сиятельство граф Орлов-Чесменский не такие дела совершал. А уж вас схватить да доставить ему не занятие, а забава.

Елизавета. Вот чем желают меня сломить! И вы, презренный человек, надеетесь, что хоть на миг я поверю столь отвратительной клевете? По-вашему, я потому в отчаянии, что схвачена так вероломно и подло? Нет, сердце мое болит оттого, что в эти минуты мой супруг страдает столь же сильно, как я, что он, пред кем склонялся весь мир, сейчас в заточении и бездействии.

Шешковский. Сударыня, все суета суетствий. Обман чувств, помрачение ума. Граф Орлов вам такой же супруг, как ваш покорный слуга, который по воле Господней давно женат.

Елизавета. Вы – негодяй! Вы клянетесь Богом и здесь же смеетесь над святым

таинством. Нас обвенчал корабельный священник в присутствии Грейга и де Рибаса.

Шешковский. Венчал вас, голубка, ряженный матрос, хлебнувший пред тем для храбрости водки. Граф же Орлов и их превосходительства адмирал Грейг и де Рибас исполняли монаршую волю. Все мы ее усердные слуги, а я, здесь стоящий Степан Шешковский, сын коломенского полицеймейстера, моей государыни верный пес. И всех ее недругов и врагов клыками перегрызу, клыками-с.
(*Приближается к Елизавете.*)

Темнеет.

Голос Елизаветы. Спасите!

Зал. Слева - небольшая комната, ведущая во внутренние покои Екатерины. Комната пуста, в зале же небольшими группами располагаются гости. Доносится музыка, ровный гул голосов, из которого постепенно удаётся вырвать отдельные фразы.

Сопрано. Ужели же граф Алексей Григорьевич пошел на подобный шаг?

Тенорок. Басни. Басни, княгинюшка, а причиной те же дамские язычки.

Бас. Одно я вам скажу: коли басня, то изрядно сочинена.

Контральто. Ничуть не бывало. Мне точно известно - все так и было. И что за диво? Перед графом Орловым-Чесменским вряд ли может кто устоять.

Тенорок. Ну, матушка, эти серенады по вашей части, не по моей.

Баритон. Как наши дамы оживлены, как ажитированы.

Бас. Еще бы. В империи - мир. Пугач казнен. В столице - весна. И в придачу - роман, который можно прочесть лишь в книге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.